

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова, А. А. Сточик

ПРЕДЫСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ "ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ О МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА"

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова; НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

Среди публикаций, в той или иной мере затрагивающих проблемы истории медицинского факультета Московского университета в середине XIX века, трудно отыскать такую, в которой не упоминалось бы принятое в декабре 1845 г. "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета". Более или менее подробные описания этого документа, порядка его подготовки и значения в истории факультета можно встретить в работах И. Д. Страшуна, Д. М. Росийского, Ф. Р. Бородулина, И. А. Зиновьева, Г. В. Архангельского и других отечественных историков медицины, единодушно оценивших преобразования, осуществленные в соответствии с требованиями этого постановления, как одну из важнейших реформ преподавания на факультете в XIX веке.

С такой оценкой трудно спорить. Расширение объема преподавания фундаментальных медицинских дисциплин, организация кафедры патологической анатомии и патологической физиологии, значительное увеличение коечной мощности клинической базы университета, введение клинического преподавания курса глазных болезней, а главное, создание факультетских и госпитальных терапевтических и хирургических клиник кардинальным образом изменили организацию и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, существенно повысив уровень и качество подготовки выпускавшихся врачей. По своему влиянию на судьбу факультета "Дополнительное постановление..." было вполне равнозначно новому университетскому уставу, а потому не удивительно, что этот документ привлек к себе внимание сразу нескольких поколений отечественных исследователей.

Вместе с тем внимательное изучение данных литературы и особенно сопоставление их между собой и с многочисленными документами из фондов Министерства народного просвещения, попечителя Московского учебного округа и Московского университета позволяют констатировать не только противоречивость и неточность в изложении событий, связанных с подготовкой "Дополнительного постановления...", но и крайне недостаточную изученность истории высшего медицинского образования в России в 40-х годах XIX века. Авторы многочисленных публикаций по существу вырвали из канвы процесса развития российского медицинского образования частные, хотя и очень важные, преобразования, приписав их разработку и осуществление инициативе отдельных профессоров. В то же время в конце 30-х — первой половины 40-х годов XIX века в России была осуществлена реформа управления государственной системой подготовки врачей, и изменения в организации и содержании учебного процесса, предусмотренные "Дополнительным постановлением...", разрабатывались и апробировались в Московском университете в порядке подготовки единого учебного плана, унифицирующего подготовку лекарей в России.

С начала XIX века подготовка врачей (лекарей) в России осуществлялась на базе медико-хирургических академий и медицинских факультетов университетов. В отечественной историко-медицинской литературе этот факт достаточно широко известен, однако никто из исследователей не обратил внимания на то, что академии и университеты в тот период отличались друг от друга не только по названиям, а представляли собой принципиально разные высшие медицинские учебные заведения.

Медико-хирургические академии готовили врачей исключительно для военной и гражданской службы. Главная же задача медицинских факультетов университетов заключалась в формировании интеллектуальной элиты медицинского сословия России, в подготовке широко образованных во всех областях естествознания, теоретической и практической медицины врачей, способных заниматься не только медицинской практикой, но и научно-педагогической деятельностью, пополняя профессорский корпус отечественных высших медицинских учебных заведений.

Стремление профессоров и руководителей академий максимально подготовить своих слушателей к практической работе в войсках или в отдаленных губерниях империи определило включение в учебные программы значительного по объему кур-

са собственно клинической и прежде всего хирургической подготовки. Занятия в клиниках у постели больного в академиях продолжались минимум 2—2,5 года. На медицинских факультетах университетов даже после принятия и введения устава 1835 г., существенно усилившего практическую ориентацию учебных программ, при той же общей продолжительности обучения объем клинической подготовки был вдвое меньше, а высвобождавшееся за счет этого время отводилось на преподавание общеобразовательных и естественных наук, многие из которых в академиях либо не преподавались, либо существовали в виде сокращенных обзорных курсов.

Как следствие выпускники академий, составлявшие на протяжении первой трети XIX века львиную долю всех российских лекарей, хотя и были вполне подготовлены для того, чтобы сразу после завершения обучения приступить к выполнению своих служебных обязанностей, не имели достаточной научно-теоретической базы для серьезного внутреннего роста. Выпускники же медицинских факультетов университетов в плане возможностей для самосовершенствования имели гораздо большую свободу, но к практической врачебной деятельности реально приступали, как правило, далеко не сразу после окончания университета, предпочитая вначале пройти заграничную стажировку и повысить уровень практической подготовки.

Вполне естественно, что такое положение дел должно было рано или поздно начать серьезно беспокоить тех, кто нес ответственность за обеспечение страны медицинскими кадрами. Судя по всему, проблема отсутствия в России единого образовательного стандарта подготовки врачебных кадров впервые оказалась в сфере внимания правительства уже в начале 10-х годов XIX века, но особую актуальность она приобрела к концу 30-х годов, что, с нашей точки зрения, было связано с двумя причинами.

Первая состояла в том, что только к середине 30-х годов удалось ликвидировать имевший место в стране острый дефицит медицинских кадров. Нам представляется, что нет особой необходимости подробно останавливаться на вопросе о том, в условиях, когда неизвестно, кем укомплектовать штат медицинской службы, а дефицит составляет по меньшей мере треть всего имеющегося числа врачей в стране, не столь важно, одинаково или нет готовят врачебные кадры в существующих высших медицинских учебных заведениях.

Второй причиной послужила происшедшая после декабрьских событий 1825 г. смена политического курса в сфере народного образования. Переход от стремления сформировать в русском обществе прослойку молодых интеллектуалов, способных поддержать либеральные реформы, к необходимости готовить "не болтунов", зараженных "лжемудрыми умствованиями... и пагубным самолюбием", а граждан, способных приносить практическую пользу, воспитанных в духе строгой христианской морали и верноподданнического служения Богу, Царю и Отечеству, потребовали срочных мер, направленных на унификацию учебных программ и установление более жесткого контроля за деятельностью учебных заведений со стороны государства. Если до начала реформы народного просвещения 1828—1835 гг. университеты развивались в известной мере самостоятельно, а министерству, особенно в вопросах организации и содержания учебного процесса, отводилась роль своеобразного диспетчера, то после принятия устава 1835 г. университеты, во-первых, оказались полностью подчиненными министерству, а во-вторых, получили (за исключением Дерптского университета) единый общероссийский устав и практические идентичные учебные программы.

В плоскости рассматриваемого нами вопроса эти нововведения, с одной стороны, дополнительно подчеркнули принципиальное отличие университетских и академических учебных программ, а с другой — продемонстрировали несовершенство системы управления медицинским образованием. Напомним, что во второй половине 30-х годов в России существовало 7 высших медицинских учебных заведений: 4 медицинских факультета — в Москве, Казани, Харькове и Дерпте, подчинявшиеся Министерству народного просвещения, и 3 академии — Петер-

бургская, Московская, Виленская, из которых первая подчинялась военному ведомству, а две последние — Министерству внутренних дел. В таких условиях решение любых вопросов, касающихся координации их деятельности, могло быть достигнуто только на уровне не ниже кабинета министров, что, учитывая различные интересы каждого из трех министров, если и случалось, то крайне редко. Все вместе взятое вступало в прямое противоречие с идеологией новой системы народного образования, и радикальные преобразования не заставили себя долго ждать.

Поводом для решительных действий послужил скандал, разразившийся в конце 30-х годов вокруг незаконных действий ряда чиновников Медицинского департамента и Медицинского совета Министерства внутренних дел, связанных с присвоением ими за взятки или по знакомству различных медицинских званий без какого-либо экзамена. Этот скандал, кстати сказать, выявил несовершенство сложившейся к концу 30-х годов системы аттестования медицинских кадров. Существовавшие в России законодательно установленные стандарты, в соответствии с которыми присваивались те или иные медицинские звания, являлись "едиными" лишь на бумаге. Согласно принятым в 1838 г. новым "Правилам испытания медицинских, фармацевтических и ветеринарных чиновников..." сдать экзамен на любое медицинское звание можно в любом высшем медицинском учебном заведении Империи. Выпускники университетов обычно сдавали лекарский экзамен в университете, а выпускники академий — в академиях. Содержание экзаменов при этом определялось учебными программами соответствующих учебных заведений, и таким образом лекарские экзамены в университетах и в академиях были идентичными лишь по формальным признакам, что в свою очередь подкрепляло существовавшие различия в их учебных программах.

Контрмеры, предпринятые правительством, были весьма решительными. Вначале Министерство внутренних дел было лишено полномочий присваивать какие бы то ни было медицинские звания, затем 27 апреля 1840 г. последовал указ Николая I о передаче находившихся в ведении Министерства внутренних дел Московской и Виленской медико-хирургических академий в управление Министерства народного просвещения¹. Наконец, рескриптом от 29 апреля 1840 г. на имя министра народного просвещения император распорядился Виленскую медико-хирургическую академию закрыть и преобразовать в медицинский факультет университета Св. Владимира (Киев), а Московскую "...поставить в ближайшую связь с Московским университетом"².

Сегодня трудно судить о том, представляли ли в полной мере министр народного просвещения С. С. Уваров и его аппарат, какого масштаба преобразования повлекут за собой эти два документа. Но именно они, а отнюдь не инициативы Ф. И. Иноземцева, Н. И. Пирогова или других передовых отечественных врачей положили начало знаменитой реформе высшего медицинского образования в России 40-х годов XIX века, в ходе которой и было принято многократно упоминавшееся в литературе "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета".

"Признавая полезным сосредоточить по возможности преподавание врачебных наук и управление высшими учебными заведениями по сей части в одном ведомстве..., — читаем мы в Указе Николая I от 27 апреля 1840 г., — Медико-Хирургические Академии Московскую и Виленскую передать в Министерство Народного Просвещения из Министерства Внутренних Дел, на существующем ныне положении их"³. Смысл составления этого документа и цели, которые преследовали С. С. Уваров, подготовивший текст указа, и Николай, утвердивший его, расшифровать нетрудно. С. С. Уваров прекрасно понимал, что решить проблему создания единой системы высшего медицинского образования в России в условиях, когда существовавшие высшие медицинские учебные заведения находились в подчинении одновременно трех министерств, было невозможно, поэтому в первую очередь постарался добиться от Николая санкции на централизацию управления ими. После подписания Николаем указа от 27 апреля 6 из 7 действовавших высших медицинских

учебных заведений оказались в прямом подчинении министра народного просвещения, что коренным образом изменило расклад сил в сфере высшего медицинского образования и открыло реальные возможности для проведения в жизнь мер, обеспечивающих унификацию учебных программ, что и продемонстрировал рескрипт от 29 апреля 1840 г.

"Повелеваю вам, — говорилось, в частности, в рескрипте, — приняв оныя (Московскую и Виленскую медико-хирургические академии. — *Авт.*) в управление ваше на существующих положениях, учинить ныне же нужные по усмотрению вашему распоряжения к присоединению последней, по преобразовании в медицинский факультет, к Университету Св. Владимира и с окончательным переводом в Киев, когда довершится воздвигаемое для университета здание. Касательно же Московской Медико-Хирургической Академии предоставляют вам войти в соображение о мерах, могущих поставить оную в связь с Московским Университетом, и как по тому, так и по другому предмету представить Мне в свое время ваши дальнейшие виды"⁴.

Рескрипт от 29 апреля 1840 г. стал первым реальным шагом на пути ликвидации двух систем подготовки медицинских кадров. Однако прежде чем подробно остановиться на последствиях, вызванных появлением этого документа, заметим, что его не следует трактовать как априорную попытку властей решить проблему отсутствия в России единого стандарта в сфере высшего медицинского образования за счет простой ликвидации системы медико-хирургических академий. Анализ сохранившихся документов и литературных источников, посвященных истории деятельности Министерства народного просвещения и истории высшего образования в России, позволяет утверждать, что в основе ликвидации Виленской медико-хирургической академии лежало отнюдь не стремление любой ценой превратить ее в медицинский факультет университета, а главным образом политические мотивы. Фактически Виленская медико-хирургическая академия была ликвидирована по той же причине, что и Виленский университет, на базе медицинского факультета которого она была создана. С. С. Уваров полагал недостаточными те меры по преодолению последствий полонизации Виленского учебного округа, проводившейся на протяжении первой четверти XIX века А. А. Чарторыйским, которые были приняты его предшественниками А. С. Шишковым и К. А. Ливеном. При этом С. С. Уварову необходимо было не просто закрыть и расформировать еще одно из учебных заведений Виленского учебного округа, сохранившего кадровый состав периода попечительства А. А. Чарторыйского, но и создать на территории, непосредственно прилегавшей к округу, мощный противовес, куда бы волей-неволей стали бы стекаться молодые люди из губерний, входивших в состав Виленского учебного округа, и где бы царствовали православие и русская национальная культура. Таким противовесом общеобразовательным учебным заведениям западных губерний был созданый в 1833 г. в Киеве университет Св. Владимира, и С. С. Уваров принял более чем логичное решение перевести туда и Виленскую медико-хирургическую академию, организовав с помощью использования ее материально-технической базы и отчасти кадрового потенциала медицинский факультет.

Что касается Московской медико-хирургической академии, находившейся вне сферы политических интересов правительства, то в отношении нее содержащиеся в рескрипте предписания ("...поставить в ближайшую связь с Московским университетом...") выглядят более чем таинственно. Но именно эта загадочная формулировка и выражала истинные позиции С. С. Уварова в отношении будущего единой системы высшего медицинского образования в России. С. С. Уваров прекрасно сознавал необходимость устранения имевшихся принципиальных различий системы подготовки врачей в медико-хирургических академиях и университетах, но, что для этого надо делать и какую из двух программ — академическую или университетскую — взять за основу, тогда, в начале 40-х годов, еще не знал и не считал для себя возможным решать подобные вопросы, требовавшие специальных знаний, без привлечения профессионалов, и уже 20 мая 1840 г. С. С. Уваров направил попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову письмо, содержащее распоряжение о создании в Москве "особого комитета" для рассмотрения вопроса о том, каким образом можно "поставить Московскую медико-хирургическую академию в ближайшую связь с Московским университетом". Председателем комитета назначался С. Г. Строганов, членами — помощник попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастов, президент Московской медико-хирургической академии А. А. Рихтер, профессора университета А. А. Альфонский, Х. Г. Бунге, Ф. И. Иноземцев и профессор академии А. И. Поль⁵. Позднее в литературу этот комитет войдет под названием "Комиссия для

¹Указ Правительствующему Сенату "О передаче Московской и Виленской Медико-Хирургической Академий в Министерство Народного Просвещения" // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 47.

²Рескрипт на имя Министра Народного Просвещения "О принятии в управление Министерства Народного Просвещения Медико-Хирургических Академий Московской и Виленской" // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 17.

³Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 7.

⁴Там же.

⁵ЦИАМ. — Ф. 459. — Д. 985. — Т. 1. — Л. 3. — 3 об.

присоединения Московской Медико-Хирургической Академии к Московскому университету"⁶, что является грубейшей ошибкой, поскольку ко времени его создания еще никто не знал, как и что надо сделать для того, чтобы "поставить академию в ближайшую связь с университетом", и уж, конечно, никто не предполагал, что ответом на этот вопрос станет объединение этих учебных заведений.

Первое заседание комитета состоялось 28 мая 1840 г., по результатам этого заседания стало очевидным, что готового рецепта "сближения" академии и университета у членов комитета нет. В отличие от позднейших интерпретаторов их деятельности члены комитета отлично сознавали, что им предстоит найти "пути сближения" двух учебных заведений, представлявших принципиально различные системы врачебного образования, и поэтому не стали торопиться с предложениями. "Комитет приступая к исполнению возложенного на него... поручения, — говорилось, в частности, в письме Д. П. Голохвастова министру народного просвещения от 6 июня 1840 г., — прежде всего обратился к рассуждению о существенной цели Университета и Медико-Хирургической Академии. Университет назначается для высшего, окончательного образования молодых людей, по избранным частям Наук, и на этом основании в полном составе его полагаются три Факультета: Философский, Юридический и Медицинский, в которых сосредотачиваются различные отрасли человеческих знаний в обширном и современном их состоянии; напротив того Медико-Хирургическая Академия имеет чисто специальное назначение — образовывать Медицинских чиновников (Врачей, Фармацевтов, Ветеринаров) для Медицинской Военной и Гражданской службы, что относится также в известной степени и к Медицинским Факультетам в Университетах, где полагается определенный комплект казенных собственно медицинских воспитанников. Учреждение Медико-Хирургических Академий и Медицинских институтов при Университетах доказывало сильную потребность врачей для Государственной службы, но как из сих заведений в продолжение нескольких десятилетий, выпускаемы были ежегодно воспитанники, окончившие курс учения с разными Медицинскими, Фармацевтическими званиями, а по Высочайшему Указу от 24 ноября 1838 года для снабжения Медицинскими чинами Армии и Флота, предназначена преимущественно С. Петербургская Медико-Хирургическая Академия, то Комитет для дальнейших соображений в настоящем деле, признает весьма нужным получить сведения: имеет ли и ныне военное и гражданское Медицинские ведомства значительную потребность в Лекарях, Ветеринарах и Фармацевтах или они могут ограничиваться несравненно меньшим числом сих чиновников? При том или другом условии, рассмотрению Комитета будут подлежать совершенно различные вопросы, относящиеся к учебной и хозяйственной частям Университета и Академии, и сообразно с тем определение взаимных отношений их между собой"⁷.

Обращение к министру с вопросом о том, какая существует потребность гражданской и военной медицинских служб во врачебных кадрах, не следует рассматривать как попытку членов комитета просто выиграть время. Они отлично сознавали меру возложенной на них ответственности и понимали, что не имеют права стать инициаторами таких преобразований, которые повлекут за собой трудности с медицинским обеспечением населения или армии. С. С. Уваров полностью признал справедливость поставленного членами комитета вопроса, но не стал ожидать ответов на него из Министерства внутренних дел, Военного и Морского ведомств, а отправился в Москву, решив лично осмотреть Московскую медико-хирургическую академию. Забегая несколько вперед, отметим, что результаты этой поездки во многом преопределили судьбу академии, которую, по собственным словам С. С. Уварова, он "нашем мало соответствующей своему назначению"⁸. В качестве главного недостатка в работе академии С. С. Уваров отметил "слишком снисходительный набор казенных студентов", следствием которого был "прием в академию студентами юношей незрелыми и неподготовленными". "Из этого, — писал далее С. С. Уваров в докладной записке императору 15 июля 1840 г., — происходит с одной стороны нерадение преподавателей, а с другой слабое образование большей части медиков, выходящих из сего заведения, питомцы коего несомненно далеко отстают от наших университетских студентов и даже, смешно сказать, не имеют с ними ничего общего кроме звания и форменной одежды"⁹. Остался недоволен С. С. Уваров и состоянием материально-технической

базы академии: "незавидным" состоянием научных коллекций и "собраний", бедностью библиотеки, отсутствием "порядочной клиники", причем как "медицинской, так и ветеринарной". В отношении ветеринарного и фармацевтического отделений академии Уваров прямо заявил что они "не соответствуют видам правительства и что от выпускаемых академией ветеринаров и фармацевтов отнюдь нельзя ожидать познаний, нужных для предназначенного им дела"¹⁰.

Безусловно, увиденное С. С. Уваровым не прибавило ему оптимизма, и все же он уез из Москвы не только негативные впечатления. В результате посещения Московской медико-хирургической академии у него возникли те две основополагающие идеи, которым будет суждено составить программу всей будущей реформы высшего медицинского образования первой половины 40-х годов XIX века.

Первая и главная из них заключалась в том, что основой будущей единой системы высшего медицинского образования может служить только система подготовки врачей, сложившаяся в университетах. Вторая носила в большей степени геополитический характер и касалась прежде всего вопросов организации всей будущей системы высшего медицинского образования. "Для приведения в совершенное устройство преподавания врачебных наук, — писал С. С. Уваров в уже цитировавшейся докладной записке Николаю I, — можно бы, по моему мнению, сосредоточить в двух главных местах, именно в Москве для северной части Империи и в Киеве для южной, средства к образованию врачей; в этом порядке Университетские факультеты в Дерпте, Казани, Харькове будут некоторым образом служить вспомогательными учебными заведениями и войдут в один круг с двумя главными. Таким образом, все поприще медицинских наук будет движимо одними общими началами к лучшему их спомоществованию и в систематической связи всех донные ступи по медицинским наукам раздробленных частей образования. Если такое предположение удостоится Высочайшего Вашего Императорского Величества одобрения, то и С. Петербургская Медико-Хирургическая Академия, хотя состоящая в другом ведомстве, может принять участие в сем общем распределении преподавания врачебных наук в государстве"¹¹. В свете вышеизложенного судьба Московской медико-хирургической академии превращалась в одну из частных проблем будущей реформы, которую С. С. Уваров предложил решать путем полного слияния академии с медицинским факультетом Московского университета на базе последнего, что собственно и должно было привести к образованию мощного северного центра подготовки врачей.

Таким образом, уже летом 1840 г. у С. С. Уварова возникла четкая конструктивная программа преобразований, но спешить с ее реализацией он не стал. И не стал потому, что был не только блистательным стратегом, но и непререкаемым тактиком. Во-первых, для него было очевидно, что, прежде чем пытаться объединить в одно целое два разных учебных заведения, необходимо знать, как это сделать. А для того чтобы ответить на вопросы о том, что, кроме выделяемых правительством сумм на их финансирование, будет подлежать объединению, каков будет кадровый состав нового центра, будут ли вноситься какие-либо изменения в учебные программы медицинского факультета Московского университета и т. п., требовалось время. Во-вторых, он также понимал, что немедленное объединение медицинского факультета Московского университета и Московской медико-хирургической академии в том состоянии, в котором она находилась, не только не позволит устранить имевшиеся в академии недостатки, но и приведет к серьезному кризису медицинского факультета. Поэтому, прежде чем предпринять какие-либо решительные шаги по закрытию академии и слиянию ее с медицинским факультетом университета, С. С. Уваров, во-первых, добился санкции Николая на проведение в жизнь первоочередных, с его точки зрения, мер, которые позволяли, хотя бы отчасти, исправить положение дел в академии (прекратить набор в академию казеннокоштных студентов, существенно повысить требования к поступающим, для чего С. С. Уваров поручил принимать вступительный экзамен профессорам Московского университета, для студентов младших курсов академии вводился преподавание полного комплекта общеобразовательных и естественнонаучных дисциплин и т. п.)¹², а во-вторых, предписал комитету подготовить развернутый проект "сближения академии с медицинским факультетом Московского университета"¹³.

Ответ из Москвы С. С. Уваров получил лишь спустя полгода, причем в письме от 25 ноября 1840 г. С. Г. Строганов сообщал, что все это время комитет занимался отнюдь не разработ-

⁶См., например: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. I. — М., 1855. — С. 357.

⁷РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 4—5.

⁸Там же. — Л. 15 об.

⁹Там же. — Л. 17.

¹⁰Там же. — Л. 17 об. — 18.

¹¹Там же. — Л. 22—23.

¹²Там же. — Л. 27—28.

¹³Там же. — Л. 46—47.

кой проекта. Причина такого вопиющего, на первый взгляд, бездействия комитета, который при этом регулярно собирался на свои заседания, заключалось в том, что большинство его членов, а именно Д. П. Голохвастов, А. А. Рихтер, А. И. Поль и Х. Г. Бунге, выступили против предложения С. С. Уварова об объединении академии с университетом и заявили, что, по их мнению, академия сможет принести гораздо больше пользы, если после внесения необходимых коррективов в организацию и содержание учебного процесса останется "в отдельном состоянии"¹⁴. За объединение и расширение за счет этого медицинского факультета Московского университета выступили лишь А. А. Альфонский и вернувшийся из-за границы в сентябре 1840 г. Ф. И. Иноземцев.

Но С. Г. Строганов не был бы С. Г. Строгановым, если бы в докладной записке руководству ограничился лишь констатацией безрезультатной работы вверенного ему подразделения. И дело здесь вовсе не в том, что он боялся за свое кресло или опасался гнева С. С. Уварова. И до ноября 1840 г., и после С. Г. Строганов неоднократно и в достаточно резкой форме возражал министру, а иногда даже открыто отказывался выполнять его отдельные распоряжения, если считал их нецелесообразными или ошибочными. Но во всех случаях, когда С. Г. Строганов шел на прямой или скрытый конфликт с С. С. Уваровым, он всегда был готов предложить собственное конструктивное решение. В данном же случае сообщение о том, что комитету не удалось не только подготовить проект, но даже выработать единое мнение о судьбе Московской медико-хирургической академии, носило неконструктивный характер, и С. Г. Строганов почитал себя просто обязанным представить С. С. Уварову собственное мнение по интересовавшему министра вопросу.

В целом позиция С. Г. Строганова состояла в том, что, если объединить суммы, выделяемые на финансирование двух существовавших в Москве учебных медицинских заведений, их материально-технические базы и кадровый потенциал, то возникший в результате учебный центр сможет выпускать хотя и несколько меньшее число врачей, чем ранее выпускали медицинский факультет Московского университета и Московская медико-хирургическая академия вместе взятые, но за счет открывавшихся возможностей по отбору преподавателей и совершенствованию учебных баз и учебных программ качество подготовленных специалистов будет несравненно выше даже того уровня, который обеспечивал ранее медицинский факультет Московского университета. Далее следовали конкретные рекомендации, которые, с точки зрения С. Г. Строганова, могли обеспечить безболезненное объединение академии с медицинским факультетом Московского университета на базе последнего и позволили бы создать лучший в России центр подготовки врачей. Во-первых, С. Г. Строганов, невзирая на значительное увеличение числа студентов, предложил оставить без увеличения число кафедр и профессоров, которые будут вести занятия со студентами первых четырех курсов. Во-вторых, рекомендовал построить для университета "особое здание, в котором бы помещались анатомический кабинет, физиологические и хирургические препараты и инструменты и находились две Аудитории для чтения лекций по различным предметам, для производства опытов и хирургических операций, для упражнения студентов в практической анатомии"¹⁵. В-третьих, существенно расширить клиническую базу университета. "5-й курс медицинского факультета назначается преимущественно для практических упражнений, — говорилось, в частности, в его письме С. С. Уварову. — В Университетских Клиниках находится кроватей в Терапевтической 16, в Хирургической 17 и Акушерской 6. При столь малом числе больных... учащиеся имеют весьма малые и даже ничтожные средства для практики, и этот недостаток еще более будет ошутителен при увеличении числа Студентов. Принимая в соображение, что без практических опытов и наблюдений, самое лучшее преподавание медицины не может приготовить врачей вполне заслуживающих общественное доверие, и согласно общему мнению Членов Комитета признано весьма полезным учредить Клиники при Военном Госпитале и при двух Московских больницах, именно: Градской и Екатерининской. Клиники в этих местах будут иметь решительное влияние на усовершенствование образования врачей. Здесь учащиеся под руководством Профессоров Клиник и под надзором Ординаторов, избираемых из отличнейших лекарей, окончивших

¹⁴ Там же. — л. 48—48 об.

¹⁵ Там же. — Л. 53 об.

курс учения в Университете, могут в продолжение целого года заниматься лечением многочисленных разнообразных болезней, получая непрерывно новые случаи... для наблюдений соответственно указаниям преподавателей и таким образом повторяя свои теоретические познания, в виду своих наставников, приобретут тот навык и ту опытность в распознавании, лечении болезней, которая составляет существенное достоинство врача.

На этом основании учебные Клиники при больницах должны иметь благотворное влияние на будущие успехи воспитанников университета при исполнении служебных и общественных обязанностей медика. Об устройении таковых Клиник, я получил весьма удовлетворительные планы от Гг. Профессоров и вместе с тем вошел в сношение с начальством Госпиталя и больниц, которые объявили готовность содействовать с их стороны к исполнению сего предположения"¹⁶.

К сожалению, нам не удалось установить, какие проекты имел в виду С. Г. Строганов и кем они были составлены. Можно лишь предполагать, что одним из упомянутых попечителем проектов коренной реорганизации клинической базы медицинского факультета Московского университета был "Трактат" Ф. И. Иноземцева, о составлении которого сообщал сам Ф. И. Иноземцев в автобиографической статье, опубликованной в "Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета"¹⁷. Все предпринятые нами попытки обнаружить этот документ в московских и петербургских архивах к успеху не привели: по архивным реквизитам, указанным в биографии Г. В. Архангельского, хранится другой документ, составленный Ф. И. Иноземцевым¹⁸ осенью 1840 г. Конечно же, Ф. И. Иноземцев не был инициатором реформы 40-х годов и не "в результате его настойчивых требований" началась работа над подготовкой "Дополнительного постановления...". Но приведенный отрывок из письма С. Г. Строганова С. С. Уварову позволяет со всей определенностью называть Ф. И. Иноземцева одним из главных участников этой реформы.

Однако вернемся к письму попечителя, в заключение которого С. Г. Строганов сообщил, что, если С. С. Уваров одобрит его предложение, то он будет готов в скором времени представить развернутый проект преобразований.

Письмо С. Г. Строганова, с одной стороны, обрадовало С. С. Уварова, с другой — навело на серьезные размышления. Он, конечно, был доволен тем обстоятельством, что его идея встретила поддержку как у ряда профессоров, так и особенно у С. Г. Строганова, которому в силу его служебного положения отводилась роль основного проводника в жизнь любых начинаний, касавшихся медицинского факультета Московского университета. Вместе с тем С. С. Уваров, возможно, впервые ясно осознал, что одного московского комитета для осуществления задуманных им реформ мало, что ему необходим еще один собственный консультативный орган, который, с одной стороны, мог бы рецензировать предложения, поступающие из Москвы, а с другой — самостоятельно предлагать решение тех вопросов, по которым в Москве не удавалось выработать согласованной позиции. "По получении от Вас сего проекта, — писал С. С. Уваров 30 ноября 1840 г. С. Г. Строганову, — я войду в ближайшее рассмотрение мер, какие в нем будут предложены, и, чтобы несомненно удостовериться, будут ли оныя соответствовать предложенной цели, приглашу для совещания медиков, известных ученостью и сведениями по этой части, а затем не оставлю дать сему делу надлежащий ход"¹⁹.

Так, из возникших в Московском комитете разногласий и неожиданной инициативы С. Г. Строганова у С. С. Уварова постепенно родился замысел привлечь к работе над реформой высшего медицинского образования еще одну группу советников, воплотившийся в начале 1841 г. в создание особого "Временного медицинского комитета" при Министерстве народного просвещения, который впоследствии стал основным центром разработки и контроля за проведением в жизнь всех основных положений реформы высшего медицинского образования в России первой половины 40-х годов XIX века.

¹⁶ Там же. — Л. 53 об. — 55.

¹⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета. — Ч. I. — М., 1855. — С. 357.

¹⁸ Архангельский Г. Ф. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 43—44.

¹⁹ Там же. — Л. 63 об.